

Ф. В. НИКОЛАИ

‘ФАНТАЗИИ’ ДЖОАН СКОТТ И ПАМЯТЬ О ФЕМИНИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Хотя большая часть работ Дж. Скотт посвящена политической истории феминизма², известность она получила скорее как методолог гендера. Новая книга Скотт – «Фантазии феминистской истории»³ – вдвойне интересна, поскольку ставит своей задачей соединение этих векторов исследования. Каким образом каждое следующее поколение феминисток осмысляет и пере-изобретает собственную традицию? Можно ли вообще дать умозрительный ответ на этот вопрос? В работе «Предлагая только парадоксы: французские феминистки и права человека» (1996) Скотт уже отчасти обращалась к данной проблеме – в историко-политическом ключе. Теперь же ее интересует скорее методологический уровень, и ключом к нему становится использование психоанализа. Скотт, по ее собственному признанию, «слишком долго» им не интересовалась, но в последние годы стала вести особый курс «Психоанализ и история». Отметим, что психоанализ интересует ее не как терапия или нормативная аналитическая практика, но скорее в духе М. де Серто – как проблематизация исторической структуры желаний (сознательных и бессознательных). «Понимаемый таким образом, психоанализ дает новую жизнь понятию гендера для историков» (Р. 5).

Гендер в этом контексте оказывается не просто социально-культурным конструктом, но попыткой дать ответ на ключевой вопрос об отличии Я от Другого (включающем и различие полов). Гендерная идентичность представляется не устойчивой сущностью (неизменным ядром личности), но подвижным переплетением фантазий вокруг «пустующей сердцевины» – невозможности субъекта полностью репрезентировать себя вне зависимости от Другого. Идентичность есть ответ на подобную невозможность репрезентации (Р. 13). Соответственно, любой ответ на подобный вопрос должен признать свою связь с фантазией, которая становится местом встречи субъекта и социальных структур, сознательного и бессознательного, символического и воображаемого, истории и тео-

¹ Рец на *Scott J.W.* *The Fantasy of Feminist History*. Durham and London: Duke University Press, 2011. 186 p.

² *Scott.* 1999, 1996, 2007.

³ *Scott.* 2011.

рии⁴. Фантазия у Скотт связана не столько с сознательной активностью субъекта, представляющего себе объект желания, но скорее со «схваченностью» желаниями Другого. Таким образом, фантазия (и психоанализ как практика ее чтения) позволяет скорректировать гендерную историю, социально-политические установки которой, по мнению Скотт, в 2000-е гг. начали уже несколько «бронзоветь».

В этом контексте исследовательница рассматривает историю феминизма⁵ как «одомашнивание желаний»: феминистская история сегодня представляется скорее ностальгией по успехам 1970-х гг. В 2000-е гг. «объединяющая сила движения – женщины, как субъект и объект их собственной истории — исчезла, если когда-либо вообще существовала. (Далее я попробую доказать, что эта сила в большой степени была сформулирована задним числом, как результат ностальгии, или меланхолии)» (Р. 32). Этот тезис во многом и определяет название книги: женское движение рассматривается Скотт именно как фантазия – полуосознанная коллективная проекция желаний. Далее Скотт рассматривает близкие по отношению к фантазии метафоры «эха» (*fantasy echo*), «следов» (*traces*) и «отголосков» (*reverberations*). Все они отсылают к прошлому, но не напрямую, а через фантазию – достраивание образов и связей между ними. Так же и идентичность всегда ретроспективна: феминистские практики сегодня оказываются эхом женского движения начала XX в.

Исследуя генеалогию феминизма, Скотт обращается к трансформациям идей либерализма и секуляризации в эпоху модерна. В наиболее интересной, на наш взгляд, главе «*Sexularism*» она идентифицирует модерн не столько с равенством и индивидуализмом (которые всегда предполагали масштабные исключения – женщин, ‘цветных’ и т.д.), сколько с фантазией сексуальной свободы. Сексуальность (и институт семьи) разными путями оккупировала сферу частного, оставленную религией (Р. 96). Теологические вопросы оказались замещены физиологическими, подобно тому, как биополитическая риторика рождаемости и материнства сменила религиозное почитание Богоматери⁶. Другой стороной данного процесса стали политические изменения. Отталкиваясь от популярных в современной французской историографии интерпретаций соблазна как основы придворной культуры XVII–XVIII вв. (специ-

⁴ Здесь позиция Скотт пересекается с рядом феминистских прочтений лакановской концепции Реального. Например, см.: *Kaplan*. 1988, 1992; etc.

⁵ Первая глава книги опубликована отдельной статьей. См.: *Скотт*. 2005.

⁶ К сожалению, далее Скотт уходит от этой проблематики, лишь тезисно обозначая свою позицию. Ближкое видение процессов секуляризации в эпоху модерна предлагает Э. Сантнер: *Santner*. 1996, 2001.

фического равенства в различии), Скотт критикует некоторые течения женской истории (как и исследователей, не связанных с women's studies) за чрезмерную доверчивость фантазии. За многими образами сексуальности и соблазнения стоит реабилитация неравенства – вытеснения в эпоху абсолютизма и женской, и мужской активности из политической сферы в специфическую сферу частного. Отношения между полами при этом становятся «компенсацией политического бессилия (impotence)» (Р. 124), игрой означающих без означаемого (Р. 127).

Таким образом, книга Скотт, действительно, представляет собой интересный диалог истории, психоанализа и гендерной теории. Между этими векторами мысли нет заранее установленных иерархий — их конкуренция и взаимная критика призваны усилить позиции исследователя, а не навязать ему некий канон. И такая позиция совершенно оправдана.

Однако нельзя обойти и некоторые проблемы восприятия работы Скотт. Понятно, что книги любого маститого исследователя, объединяющие ряд уже изданных статей и новые тексты, почти неизбежно оказываются весьма неровными: общая сюжетная линия теряется в примечаниях, комментариях и отступлениях. Но все же полифония фрагментов у Скотт оставляет ее концепцию фантазии несколько невнятной. Метафора так и не превращается в концепт.

Безусловно, подобная завуалированность (тем более применительно к *фантазии*) была бы оправданной, если бы Скотт делала больший акцент на собственно исторический (а не на методологический уровень). Герои ее прежних блестящих книг (стеклодувы Кармо, французские феминистки XIX в., алжирские иммигранты во Франции) иногда вновь появляются в «Фантазиях феминистской истории», но не имеют самостоятельного голоса: речь идет, скорее, об уточнении нюансов прежних тезисов Скотт, а не о новой концепции.

Еще один важный вопрос, остающийся открытым после прочтения книги Скотт, – так о каком же психоанализе идет речь? Ситуативные и скорее критические обращения к Лакану и Кристевой не проясняют ситуации. Показательно, кстати, что из американских представителей психоистории Скотт упоминает лишь П. Левенберга и У. Лангера, не рассматривая крайне интересные исследования А. Каплан, А. Кветкович, Дж. Митчелл, К. Силверман, Ш. Фелман. То есть, свою метафору фантазии Скотт предлагает скорее «схватить», чем понять через сравнение с идеями коллег (или конкурентов) по цеху.

В этом контексте книга Скотт представляется не столько самостоятельной концепцией фантазии, сколько специфическим жестом производства культурной памяти или «архивации», поскольку «каждый архив

есть подсказка памяти» (Р. 142). Память о масштабном дискурсивном повороте (феминизме второй волны) – Событии в фукианском смысле этого слова – не претендует у Скотт на дисциплинарную нормативность и укрепление канона. Любой архив не однороден; историческое наследие, культурная память (как и сам текст Скотт) не укладываются в прокрустово ложе универсальных теорий. Важна именно практика работы в этом архиве, чтение и репрезентация текстов. Задача Скотт – скорректировать свою практику чтения и отчасти спровоцировать на это читателя (кстати, монография издана в серии ‘Next Wave Provocations’). Так что книга будет наверняка интересна не только историкам феминизма, но и всей аудитории women’s studies, само наличие которой можно рассматривать как воплотившуюся фантазию второй волны феминизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Scott J.W. *The Fantasy of Feminist History*. Durham and London: Duke University Press, 2011. 186 p.
- Scott J.W. *Gender and the Politics of History*. N.Y.: Columbia University Press, 1999; Idem. *Only Paradoxes to Offer: French Feminists and the Right of Man*. Harvard University Press, 1996; Idem. *Parité! Sexual Equality and the Crisis of French Universalism*. The University of Chicago Press, 2005; Idem. *The Politics of the Veil*. Princeton University Press, 2007.
- Kaplan A.E. *Women and Film: Both Sides of the Camera*. Routledge, 1988; Idem. *Motherhood and Representation: the Mother in Popular Culture and Melodrama*. N.Y.: Routledge, 1992.
- Скотт Дж. История феминизма // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 5-26.
- Santner E. *My own private Germany: Daniel Paul Schreber's secret history of modernity*. Princeton University Press, 1996; Idem. *On the psychotheology of everyday life: reflections on Freud and Rosenzweig*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; fvnik@list.ru.